

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)

DOI 10.18522/1995-0640-2022-2-117-128

ЭСТЕТИКА И ПОЭТИКА СТЕПНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Наталья Валентиновна Тибушкина

Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: Рассматривается эстетика и поэтика степного пространства в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Используются этнопоэтический, эстетико-рефлексивный и историко-культурный методы. Рассмотрена эстетическая модель природы, обусловившая многофункциональность степных образов в романе-эпопее «Тихий Дон» с акцентом на генетическую связь человека с местом обитания. Принят во внимание пространственный аспект, связанный с психологией героев.

Ключевые слова: *Михаил Шолохов, «Тихий Дон», степное пространство, эстетика, поэтика, культурные архетипы, символы, национальный образ мира*

Для цитирования: *Тибушкина Н.В.* Эстетика и поэтика степного пространства в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 2. С. 117 – 128.

Original article

AESTHETICS AND POETICS OF STEPPE SPACE IN THE EPIC NOVEL BY M.A. SHOLOKHOV “QUIET FLOWS THE DON”

Natalia V. Tidushkina

Ulyanovsk State Technical University. Ulyanovsk, Russia

Abstract: The aesthetics and poetics of steppe space are considered in the epic novel by M.A. Sholokhov “Quiet Flows the Don”. Ethnopoetic, aesthetic-reflexive and historical-cultural methods are used. The aesthetic model of nature is considered, which caused the multifunctionality of steppe images in the epic novel “Quiet Flows the Don” with an emphasis on the genetic connection of a person with a habitat. The spatial aspect related to the psychology of the heroes is taken into account.

Keywords: *Mikhail Sholokhov, “Quiet Flows the Don”, steppe space, aesthetics, poetics, cultural archetypes, symbols, national image of the world*

For citation: *Tidushkina N.V.* Aesthetics and Poetics of Steppe Space in the Epic Novel by M.A. Sholokhov “Quiet Flows the Don” // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 2. P. 117 – 128.

Введение

В известной книге, написанной А.Ф. Лосевым в соавторстве с М.А. Тахо-Годи, есть фраза, предваряющая анализ стилевых функций природы у Романа Роллана. Определяя предмет своего исследования, авторы говорят о том, «что эстетика природы возможна лишь тогда, когда она не буквально воспроизводит явления природы, но оказывается их специфической интерпретацией» [Лосев, Тахо-Годи, 2006, с. 8]. Данное высказывание станет исходным тезисом нашей статьи. Задача – определить значение образа степи как одного из эстетических измерений пространства романа-эпопеи, ставшего своеобразным индикатором чувства природы у героев «Тихого Дона» и самого писателя. Сначала рассмотрим эстетическую модель природы, обусловившую многофункциональность образов степи в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». При этом будет принят во внимание пространственный аспект, который связан с переходом эстетического в художественное, с показом психологии героя, природного созвучия или контраста его нраву, внутреннему миру.

Изучение эстетики пространства в прозе Шолохова предполагает различные подходы. Наиболее очевидный – анализ философско-эстетических доминант мировоззрения М.А. Шолохова. Эстетика связана не только с философскими аспектами повествования, но и с психологическими. Рефлексия автора сопрягается с внутренней жизнью героя, складом его душевной жизни, обусловленным субъективными и объективными (социальными, ментальными, ситуационно-детерминированными) причинами.

Предлагая рассматривать формы этого чувства у Шолохова в образной взаимосвязи степи и воды, литературовед отмечает, что степь и река, давшая название роману, «составляют единство, которое и порождает на Земле уникальное многообразие жизни» [Гурленова, 1998, с. 93]. Шолохов в своём творчестве следовал традициям психологизма, утвердившимся в русском реализме XIX–XX вв. с его вниманием к сложным духовным коллизиям, характерам мятущимся, противоречивым, своенравным. Народность характерологии, чуткость к состояниям природы и человека, индивидуализирующий и эпический (типологизирующий) психологизм – неполное перечисление главных особенностей поэтики Шолохова. Изображение настроений, чувств и мыслей персонажей «Тихого Дона», их связей с природной средой – зримая константа художественного мира главной шолоховской книги.

Образ степи в русской литературе является воплощением укорененного в национальном сознании опыта освоения пространства, который отражал исторические, географические, мировоззренческие представления народа. Шолохов наследует приемы создания пейзажа, композиционные решения и принципы показа природного мира русских писателей-классиков.

У Гоголя образ степи, его семантическое значение, по мнению О.В. Зырянова, связан, помимо фольклорных коннотаций степи как от-

крытого пространства, символа свободной человеческой природы, еще и с «бескрайними просторами России» [Зырянов, 2019, с. 11].

Степь у Чехова – действующее лицо, действенная смысловая, пространственная координата. Н.Е. Разумова находит у него сравнение степи с зеркалом. Степная равнина – отшлифованное природными стихиями стекло, «отражающее глядящегося в него человека» [Разумова, 1998, с. 55]. Чехов в отличие от автора «Тихого Дона» порой подчеркивает разобщенность человека и природы. Герои чеховской прозы и драматургии видят природу по-разному – в зависимости от творческих способностей и воображения, наличия у них чувства природы.

Исследование и его результаты

В своей работе мы используем этнопоэтический подход, эстетико-рефлексивный и историко-культурный методы. В центре внимания – роман-эпопея «Тихий Дон», так как именно в нём можно обнаружить основные особенности поэтики и текстопорождения писателя. К ведущим принципам шолоховской эпики относится концептуализация пространства. Пространство во многом определяет чувственную сферу повествования. Онтология, изобразительная оптика, система художественных средств Шолохова пронизаны пространственной мыслью. Творческая позиция писателя проявляется в отображении места человека в природе, его прирожденной психофизической связи со степным окоёмом. Резонанс чувственных движений персонажей с природными стихиями – один из способов шолоховского изображения душевной сферы. «Текст “Тихого Дона”, – по авторитетному мнению филолога, – поражает прежде всего особым восчувствованием *физической* (здесь и далее курсив автора. – Н.Т.) стороны мира, жизни природы и жизни человеческого тела, вьедливо восписанных в массе поразительно точных черт и деталей. *Внутреннее*, душевное при этом чаще всего восстает из *внешнего* и физического» [Семенова, 2001, с. 290].

Воплощение эмоций героев, проходящих своеобразное испытание природой, характеризует особенности авторского психологизма. Пейзажи «Тихого Дона» соединены с метаморфозами в поведении и настроениях персонажей романа. Автор организует его сюжет и композицию с учетом природно-пространственных мотивов и картин. В романе-эпопее важны такие описания природы, которые возникают в диалогическом или полифоническом взаимодействии с человеком. Шолохов использует национальную топику: сюжеты, образы-характеры, мотивы, мифологию, экспрессивную энергию фольклорных жанров. Этнокультурные элементы определяют мировоззрение автора, его самобытность, а также и преемственность с русской литературой, что позволяет говорить о тесной связи «Тихого Дона» «с культурно-этническими нормами поведения, принятыми в среде донского казачества» [Коростова, 2020, с. 36].

В русской литературе существует множество устойчивых образов, вобравших в себя сущностные особенности народного миропонимания. Г.П. Федотов указывает, что в русском природном мире «личное вопло-

щение получает только мать-земля». «Мать-земля – это прежде всего черное, рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет мать-земля “сырая”, <...> она же является хранительницей нравственного закона, – прежде всего закона родовой жизни» [Федотов, 1991, с. 74].

Земля, степь в сознании казака связана с родиной, для героев Шолохова отечество – степное пространство, которое объемлет целый мир. Оно корреспондирует с полнотой и динамикой целостного бытия, существующего в песне и сказке, утопических легендах, народной религиозности. У Шолохова отношение к степному миру вобрало в себя фольклорные и культурно-мифологические формы. В казачьем восприятии степь ассоциируется с представлением о природном пространстве, с материнским началом.

Исследуя пространство в философско-эстетическом горизонте, современный исследователь различает «эстетику места и эстетику направлений (измерений) пространства», сосредотачивается на второй из них, в которой главное – *направления возможного движения* (простор, даль, высь, пропасть) (курсив автора. – Н. Т.) [Лишаев, 2015, с. 22]. Используя эту терминологию, проанализируем образ степи как элемент пространственного чувства, координату простираения человеческой судьбы. Степь стала главным природным элементом в изображаемой реальности. Шолохов создает степные картины, используя разные пространственные измерения: небо («высь»), степной мир («ковьельный простор»), а также выступающий символическим знаком эпического времени фольклорный образ исконно казачьей реки. Дон у Шолохова – символическое воплощение волевой силы и души степного народа.

Шолохов описывает природу, учитывая генетическую связь человека с местом его обитания. Образы героев в «Тихом Доне» построены с учетом такой черты характера русского человека, как привязанность к месту, где родился и вырос. Чувство места, ощущение ненарушимой связи с ним, с его природными свойствами воплощается в сценах, в которых сюжет достигает высокого напряжения. Таково известное лирическое отступление, следующее за последним эпизодом в истории плотской связи Аксиньи с Листницким и развернутым описанием степи. Пространство степи, одетое «*кольшуцимся серебром*», наполнено здесь движением, красками, запахами. Авторский голос вторгается в поток событий: «*Родимая степь под низким донским небом! <...> Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!*» [Шолохов, кн. 2, с. 54]. Внимание читателя переведено в план природной полноты изображаемой реальности. Возникает символический подтекст, выражающий драматизм социально-психологического времени, которое воспроизведено в 3-й книге «Тихого Дона». Степной простор становится средоточием целого мира, восполняя его собой. В этом фрагменте эпопеи природа степи со всеми своими атрибутами выступает в роли «категории жизни» [Фарино, 2004, с. 282].

Образ степи – один из основных национальных культурных образов-символов – является одним из центральных в романе-эпопее Шолохова «Тихий Дон». Он проходит через все четыре книги, начиная с эпиграфа первой части (старинной казачьей песни «*Не сохами-то славная землюшка наша распахана...*» [Шолохов, кн. 1, с. 11] и венчая последнюю главу четвертой книги. В процессе развертывания повествования образ степи охватывает все структурные части эпопеи, выполняет смыслообразующие, выразительно-изобразительные, коммуникативные функции. В степи герои Шолохова осознают себя и свою принадлежность к жизни природы на фоне необъятного пространства земли и неба.

Одним из первых, кто высказал интересные мысли по поводу пространства «Тихого Дона», был Н.Н. Маслин. Он отмечает, что главной особенностью повествовательной модели романа является принцип круга [Маслин, 1997, с. 183]. В первой части эпопеи Шолохов показывает хутор, его нравы и семейно-бытовые конфликты, во второй части пространство расширяется, вмещая в себя степные ландшафты, хутора и станции Верхнего Дона. Далее (третья часть) в него входят охваченные войной территории, картины фронтовой жизни героев. Пространство расширено до границ России. В четвертой и последующих частях пространственный ареал сужается до Верхнедонской области, а затем снова – до хутора Татарского. Шолохов рисует степь как нечто неизведанное («*задернутая текучим маревои степь*» [Шолохов, кн. 1, с. 13]), с самого начала показывая её как одно из значительных слагаемых целостной картины мира. Традиционный русский степной пейзаж с его совокупным изображением человека и необъятного пространства определил многомерность шолоховской поэтики природы. Изучение её специфики, проявившейся в художественном мире «Тихого Дона», открывает перспективу анализа прозы Шолохова через эстетику пространственных форм.

Романный «мир степи» представлен у Шолохова в своей неповторимой стилистике: «*Над Доном на дыбах ходил туман, пластаясь по откосу меловой горы, сползая в яры серой безголовой гадюкой.*» [Шолохов, кн. 1, с. 17]. Через такие метафоричные, характерные для фольклора образы, автор намечает событийный план романа. Герои оказываются в нетипичных ситуациях, которые разрушают традиционные этические нормы казачества. Образ тумана, «*заползающего в яры*», или «*безголовой гадюки*» предвещают опасность, проникающей в каждый хутор, под крышу любого куреня. Вплетая в повествование образы степного пространства, Шолохов создает богатый природный антураж, который предпослан развитию всех дальнейших событий (запретная любовь, война, революция, смерть молодых и старых героев).

Каждый персонаж по-особенному воспринимает своё нахождение в степи. Для казаков степь неизменно связана с трудом на земле – пахотой, покосом, заготовкой сена на зиму. 9-я глава 1-й книги позволяет читателю понять казачий характер. Пантелей Прокофьевич – типичный выразитель старого жизненного уклада, привыкший держать семью

в строгой дисциплине и послушании. Пейзажное соответствие ему, введенное в идейно-смысловую строй текста, – «седой каракуль туч». Он – глава семьи, за ним следуют все члены семьи.

Покос – значимый, этнопоэтический эпизод, связанный с реализацией семейной темы в «Тихом Доне». Григорий идет следом за отцом, но здесь же показывается отличие мироощущений отца и сына. Чувство природы у отца передано лаконично, закреплено практическим отношением к природе. Сын принимает работу на земле как часть своего существования в природном единстве, в движении общей вечной жизни: в воспоминании о встречах с Аксиньей у него появляются поэтические тона: «Сидели под мокрой копной... в ендове свиристела турчелка... месяц над займищем...» [Шолохов, кн. 1, с. 48] Чувствительность и мечтательность, а также нехарактерная для казака жалостливость – одни из основных отличительных черт, выделяющих Григория в ряду центральных персонажей. Испытав «чувство острой жалости» к зарезанному косою утенку, Григорий злится, когда свидетелем несвойственного для казака проявления сострадательного чувства становится Дуняшка («уронил утенка, злобно махнув косою» [Шолохов, кн. 1, с. 49]).

Дуняшку читатель видит свободно и легко принимающей житейские невзгоды, радостной и веселой. Она умеет находить счастье в простых вещах – в природе и в погодных явлениях («Мне весело и хорошо оттого, что день <...> тоже весел и хорош...» [Шолохов, кн. 1, с.47]). Аксинью всюду сопровождает образ пламени, пожара («Испепеляя щеки, сжигал ее беспокойный румянец», «польхающую жаром» [Шолохов, кн. 1, с. 49–50]).

Степь становится свидетелем любви Аксиньи и Григория, их «порочных» отношений. На фоне степной жизни раскрываются самые сокровенные черты характеров героев. «Ковыльный простор» оттеняет психологическую сложность, полифонию чувств персонажей. Степь – мир любви в художественной плоти романа Шолохова. Они неизменно возвращаются в родные места, пребывание вдали от степи, от земли немислимо для них. Степь связана с началом и развитием взаимоотношений Григория и Аксиньи: в степи рождается их дочь, в степи Аксинья и Григорий проводят свои последние дни. Умирает Аксинья в степи, где Григорий опустит в могилу тело своей любимой женщины. Ему больше незачем куда-то идти, он остается один под холодным, негреющим черным солнцем. А во время жизни с Аксиньей степь в глазах Григория была яркой, теплой. Природа отзывалась на душевное состояние двух людей, связанных всепоглощающим сердечным чувством.

Вдали от степной природы, вдали от своей природной сущности (степь – олицетворение природно-физиологической сущности казаков в целом и героев Шолохова в частности), страсть и любовь претерпевают трансформацию. Степь для русского человека, казака, – активная участница жизненных драм. Она оберегает от дурного глаза, от всякого лиха. К тому же автор показывает, что Григорий вырос в традиционной казачьей семье, где Григорий даже не помышляет о побеге из родного ху-

тора, с родных мест: *«От земли я никуда не тронусь. Тут степь, дыхнуть есть чем, а там?»* [Шолохов, кн. 1, с. 57] Шолоховский герой привязан к хутору, донскому ландшафту, донской степи с её разнотравьем, доминирующим полынным запахом, неброской красотой бессмертника и сакрального для казаков лазоревого цветка – горицвета. Григорию степь являет себя как олицетворяющий природные силы живой мир, который поддержит в трудную минуту, поможет забыть будничные неурядицы, снимет напряжение боя. В степи восстанавливаются душевное равновесие, физические силы героя. Степные пейзажи сняты ему в трудные минуты: *«во сне видел он бескрайнюю, выжженную суховеем степь...»* [Шолохов, кн. 1, с. 395]

Решению Григория и Аксиньи покинуть родные курени в первый раз аккомпанирует пейзаж, отражающий переломный момент в их судьбе. *«За ветряком в сухих кукурузных будылях спотыкаясь, сипел ветер...»* [Шолохов, кн. 1, с. 90]. Для шолоховского героя немислимо отъединиться от семьи. Он делает это только в исключительных ситуациях, следуя за внутренними порывами, подчиняясь импульсам своей вспылчивой природы. В эти моменты он – как *«оторванное полотно»*, ему кажется, *«будто кружит над ним, хлопая крыльями, и не может улететь, большая птица»* [Шолохов, кн. 1, с. 152]. Действия Мелехова соотнесены с происходящими в природном пространстве изменениями. Эмоции казака подпитываются картинами природы, иногда метафорически объединяясь с жизнью природных существ. Птица – сам Григорий, который оборвал физические связи с домом, с семьей, но душой он – с ними.

Вдали от родного дома, вне границ природной степи, Григорий и Аксинья утрачивают жизненную энергию: он едва не тонет близ Ольхового Рога. Аксинья в Ягодном попадет в расставленные Евгением Листницким сети страсти. Шолохов показывает Ягодное в тонах уныния и скуки: *«В сонной одуре плесневела в Ягодном жизнь»* [Шолохов, кн.1, с. 166]. Слова Григория в разговоре с братом воспринимаются как подтверждение постоянной связи между человеческим и природным мирами: *«– Скучаю по хутору, Петро. По Дону скучился, тут воды текучей не увидишь. Тихое место!»* [Шолохов, кн. 1, с. 191]. Жизнь, не наполненная привычным трудом, ощущением родного места, тяготит Григория; его не утешает даже присутствие Аксиньи. Привычки обитателей Ягодного, работа на владельца имения чужды и Григорию, и Аксинье. У Григория это неприятие выражено в чувстве злости, Аксинья же страдает молча. Поворотным моментом, толчком в развитии конфликта станет уход Григория от Аксиньи к семье.

Возвращение в мелеховский курень, на родную землю, совершается безотчетно: *«На спуске с горы в хутор Татарский он, недоумевая, увидел в руках своих кнут...»* [Шолохов, кн. 1, с. 352]. На самом деле для него это возврат в привычное пространство, в бескрайнюю степь, где он чувствует себя свободным. То же отрадное чувство вызывает у Григория полноводный Дон. Преодолена преграда между внутренним и внешним – собственными чувствами и естественно-природной сферой.

У Гришки с Аксиной вдали от родных мест не может быть безоблачной жизни. В обжитом степном углу для них нет счастья. Они проведут два дня в степи, почти что счастливые и умиротворенные. Григорий засыпает, убаюканный привычными степными, природными звуками, пением жаворонков, дуновением тихого ветра. Можно с уверенностью сказать, что это его последние сны на природе в спокойствии и относительном счастье: рядом убаюкивающе-воркующая Аксинонь, вокруг – знакомый природный оком. Со смертью Аксины Григорий *«понял, что все кончено, что самое страшное, что могло случиться в его жизни, – уже случилось»* [Шолохов, кн. 2, с. 776]. Жизнь для него заканчивается, обесцвечиваются все природные краски, солнце становится холодным и черным, как и его душа, почерневшая, обескровленная (постоянный шолоховский эпитет – *«обескровленное солнце»*: *«По-вдовьему усмехалось обескровленное солнце, строгая девственная синева неба была отталкивающе чиста, горделива»* [Шолохов, кн. 1, с. 309]. Шолохов применяет его в сценах с кровопролитными битвами, когда наряду с людьми, страдает и природа, земля, наполненная человеческой кровью и осколками орудий, а сверху всегда сияет обескровленное солнце). Словно души убитых, умерших людей отлетают на небо, а кровь их и тело остаются в земле.

Возникает символическая параллель: солнце – душа. *«Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца»* [Шолохов, кн. 2, с. 777]. В этой сцене автор показал обугленную, почерневшую, выжженную как степь под палящим солнцем душу своего героя, сломленного судьбой.

У Шолохова природные явления возводятся в ранг космического происшествия: реальный мир обрисован в едином движении природы и человеческой стихии. С. Семенова замечает, что *«развернутая, в мощных конкретных деталях, картина природы часто предстает аналогом того, что происходит с людьми или отдельной человеческой душой»* [Семенова, 2005, с. 111]. Выстраивая сцену пробуждения весенней степи, писатель использовал приемы психологического, эпического параллелизма, Жизнь Григория сравнивается с *«выжженной палами степью»*, *«...»* *«Кругом весело зеленеет молодая трава, <...> и вьют гнезда осевшие на лето стрепета. А там, где прошли палы, зловеще чернеет мертвая, обуглившаяся земля. Не гнездует на ней птица, стороной обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль»* [Шолохов, кн. 2, с. 777]. Автор показывает резкую перемену сознания Григория после смерти Аксины. Лексемы «страх», «смятение» точно описывают состояние героя, потерявшего смысл жизни. Авторская характеристика, вклинившаяся в ткань повествования (*«Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть. Остались только дети»* [Шолохов, кн. 2, с. 777]), указывает на то, что жизнь героя перешла в другое измерение. Ему даже в голову не при-

ходит искать свою смерть. С помутившимся сознанием, «выжженной душой», он цепляется за жизнь.

В начале и в конце эпопеи Шолохов обозначает пространственные точки, фиксирует связь и размежевание событий природной и психологической сферы. Отец Пантелея Прокофьевича после каторги забрал сына и встал на хозяйство, предварительно пережив убийство жены-турчанки. В финале «Тихого Дона» уже Григорий, измотанный жизнью, смертями родных, с расколотой душой, возвращается к родному дому к сыну. Переключка данных сцен образует композиционное кольцо. Природные и человеческие законы сливаются в обобщенной картине вольного, степного бытия. Мир природы и мир человека осмыслены автором как единый жизненный поток.

Образы степи, ее эстетико-поэтические смыслы органично вошли в текст произведения, фиксируя внимание читателя на незначительных, но важных деталях – сочетании образа степи с грозовым небом. «Реальный мир <...> предстает у Шолохова в полифонии движений, красок, звуков [Дырдин, 2012, с. 92]. Образы степи и неба выполняют пространственно-временную функцию, показывая одновременно путь на небо, куда уходит человек от старости или сраженный в бою, а другой путь – дорога к миру, к семье, к труду на земле: *«она манила людей шагать туда за изумрудную, неясную как сон нитку горизонта»*, *«Люди, прикованные к жилию, изнывали в работе, рвали на молотбе силы и дорога – безлюдный тоскующий след – текла, перерезая горизонт в невидь»* [Шолохов, 2018, кн. 1, с. 316].

Шолохов изображает войну как всеобщую беду, мировую катастрофу, распад гармонии человека и природы. Совмещения степных образов с картинами боя, с обрисовкой казачьей лавы, конских подков, которые вонзаются в землю, умертвляя ее. Чтобы описать трагедию войны, Шолохов прибегает к сравнению взорванной земли с человеческим лицом, обезображенным оспой. На военных страницах «Тихого Дона» степь дана как кровавый локус ужаса, границы смерти и жизни.

В военных пейзажах преобладает эпический параллелизм. *«На отводе горели сухостойные бурьяны, и сладкая марь невидимым пологом висела над Обдоньем. Ночами густели за Доном тучи, лопались сухо и раскатило громовые удары. <...> По ночам на колокольне ревел сыч»*, *«Худому быть <...> война пристигнет»* [Шолохов, кн. 1, с. 212–213]. Такие пейзажи являются предвестниками беды, смысловой прелюдией к трагическим событиям. Пейзажи наполнены характерными художественно-выразительными средствами: *«колючее солнце»*, *«задыхались в <...> хрипе, в жаре»*, *«тянулся к хутору серый хвостиче пыли»* [Шолохов, кн. 1, с. 226].

На уровне символики земля и труд на ней, жатва и пашня с древних времен сравнивались с битвой. Сохранялся взгляд на сражение как испытание, закаляющие человека, его характер. Сообразно с своей моделью природы, Шолохов выстраивает очевидную параллель между человеческим миром и природной стихией. Значение этого поэтического

и ценностного принципа заключено в чувстве природы, в способности находить моменты, когда человек погружается в природу, а природа приняла его в свое разнонаправленное и разноголосое пространство.

Скошенные колосья, хлеб – традиционные духовно-символические образы, означающие особое эстетическое измерение земного существования людей. Не случайно в день известия о «германской» войне и мобилизации, казаки хутора Татарского были в степи и «косили жито» [Шолохов, кн. 1, с. 226]. Надо отметить, что это последние образы созвучия человека и природы в шолоховской эпопее. Глубину таких взаимоотношений имеет в виду филолог, соотнося проблему гармонии двух уровней реальности с главной чертой авторской эстетики: «Органической связью с Доном, с донской природой, а через нее – со всей русской землей, определяется экспрессия мысли Шолохова, “внутренняя форма” его прозы. В своих мотивно-тематических слагаемых она скреплена с архетипической сущностью казака – воина и земледельца, с национально-психологическим типом русского человека» [Дырдин, 2013, с. 19].

Заключение

Истоки художественного мышления Шолохова – в народных традициях, в близости его эстетики и мировосприятия к национальному образу мира, воспроизведенному в двух потоках жизни: человеческом и естественно-природном. Поэзия природных картин, связь между трагической реальностью и красотой человеческих характеров обусловили отображение художником-эпиком поисков народом лучшей формы жизнеустройства, торжества правды и справедливости на основе воскрешения традиционного для русской литературы природоцентризма. В романе-эпопее пространство степи явственно выражают народный менталитет, целостность и гармоничность культуры и быта донских казаков с их привязанностью к земле, к степи, единство с природной сферой, разрушенное ураганами революции, гражданской войны, эпохальными сдвигами в жизни степного края. Степные образы у Шолохова стали не только языком изображения бытия, но и формой художественного мышления о человеке и мире.

Список источников

Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920 – 1930-х гг. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. 179 с.

Дырдин А.А. Свобода воли как лейтмотив прозы М.А. Шолохова // Филол. класс. 2013. № 1 (31), С. 18–23.

Дырдин А.А. Эстетика природы и её национально-культурные основы в прозе Михаила Шолохова // *Literatūra*. 2012. № 54 (2). С. 88–95.

Маслин Н. Н. М. А. Шолохов // История русской советской литературы: в 4 т., М.: Наука, 1971. Т. 4. С. 177 – 216.

Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филол. класс, 2019. № 1 (55), С. 8–15. DOI: 10.26170/fk19-01-01

Коростова С.В. Коммуникативно-значимое молчание как способ представления эмоционального состояния персонажа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Изв. ЮФУ. Филол. науки, 2020. № 1, С. 36–44.

Лишаев С.А. Эстетика пространства. СПб.: Алетейя, 2015. 288 с.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: природа и ее стилевые функции у Романа Роллана. М.: Наука, 2006. 419 с.

Разумова Н.Е. «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // Вестн. Томского гос. ун-та. 1998. № 266. С. 53–59.

Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.

Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 588 с.

Фарино Е. Введение в литературоведение: учебно-пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Федотов Г. П. Мать-земля. (К религиозной космологии русского народа) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. Т.2. 352 с.

Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 797 с.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 1: 1-я и 2-я книги романа. 816 с.

Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 2: 3-я и 4-я книги романа. 864 с.

References

Gurlenova L.V. (1998) *The feeling of Nature in Russian Prose of the 1920s-1930s*. Syktyvkar: Syktyvkar University, 179 p. (In Russian).

Dyrdyn A. A. (2013) Free will as the leitmotif of the prose of M.A. Sholokhov. *Philological class*, № 1 (31), pp. 18-23. (In Russian).

Dyrdyn A. A. (2012) The Aesthetics of nature and its national-cultural foundations in prose of Mikhail Sholokhov. *Literature*, 2012, no. 54 (2), pp. 88-95. (In Russian).

Farino E. (2004) *Introduction to Literary Studies*. St. Petersburg, Publishing House of A. I. Herzen RSPU. 639 p. (In Russian).

Fedotov G. P. (1991) Mother-land. (On the religious cosmology of the Russian people). *Fedotov G.P. Russian fate and sins*, vol. 2. St. Petersburg, Sofiya. 352 p. (In Russian).

Korostova S.V. (2020) Communicatively significant silence as a way of representing the emotional state of a character in M.A. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don". *Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences*, no. 1, pp. 36-44. (In Russian).

Lishaev S.A. (2015) *Aesthetics of space*: St. Petersburg, Aleteya. 288 p. (In Russian).

Losev A.F., Tahoe-Godi M.A. (2006) *Aesthetics of nature: nature and its stylistic functions in Romain Rolland*. Moscow, Nauka, 419 p. (In Russian).

Maslin N. N. (1971) M. A. Sholokhov. *History of Soviet Russian literature*: in 4 vols. Moscow, vol. 4, pp. 177-216. (In Russian).

Razumova N.E. (1998) Chekhov's "Steppe": a variant interpretation of the story. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 266, pp. 53-59. (In Russian).

Semenova S.G. (2005) *The World of Prose by Mikhail Sholokhov. From poetics to world understanding*: Moscow, IMLI RAS. 352 p. (In Russian).

Semenova S. G. (2001) *Russian poetry and prose of the 1920s-1930s. Poetics – Vision of the world – Philosophy: Moscow, IMLI RAS, “Nasledie”* [“Heritage”], 2001. p. 290. (In Russian).

Sholokhov M.A. (2018) *Quiet Flows the Don. Scientific publication. In 2 vols. Vol. 1: 1st and 2nd books of the novel: Moscow, IMLI RAS, 816 p.* (In Russian).

Sholokhov M.A. (2018) *Quiet Flows the Don. Scientific publication. In 2 vols. Vol. 2: 3rd and 4th books of the novel: Moscow, IMLI RAS, 864 p.* (In Russian).

Zyryanov O. V. (2019) Problem-methodological field of modern ethnopoetics. *Philological class*, no. 1 (55), pp. 8-15. DOI: 10.26170/fk19-01-01 (In Russian).

Сведения об авторе

Тибушкина Наталья Валентиновна – аспирант, кафедра «Русский язык как иностранный», специалист Научно-исследовательского отдела УлГТУ, Международный институт, tusyat90@mail.ru

Information about the Author

Natalia V. Tibushkina – post-graduate student, specialist of the Research Department. International Institute, Department of Russian as a Foreign language, tusyat90@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14.12.2021; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 15.04.2022.